

№ 19

*Письмо полковника Дж. Драммонда
вице-канцлеру И. А. Остерману*

London, N 60 Jermyn St. St. James
April 22^d 1792

Sir,

about nine months ago I was made acquainted with the Count de Miranda, usually called here Colonel de Miranda. At that time I was preparing to go to St. Petersburg, in order to present her Imperial Majesty of Russia certain plans, letters and papers of my illustrious cousin Marshal Keith, to whom I am military heir. Papers and plans of such consequence and importance to her Imperial Majesty, that Colonel de Miranda was induced, not only to exhibit to me her Majesty the Empress of Russia's letter of confidence to him containing an order or instruction to all her ambassadors and ministers at foreign courts not only to receive him but to afford every attention he required in her Majesty's name, but every protection her name and interest could afford him. All which satisfied me that Colonel de Miranda was in very respectable and personal correspondence with her Imperial Majesty.

Exclusive of her Majesty's letter of credit and leave to wear her uniform. Colonel de Miranda also showed me letters from your Excellency and the late Prince Potemkin which confirmed me he stood in high estimation with her Imperial Majesty, and with her confidential ministers. He at the same time was visited by the Count de Woronzow, the Russian minister at this court and seemingly in the highest line of confidence with Count de Woronzow.

All these circumstances with his own express of anxious desire to be the transmitter of the first set of Marshal Keith's letters, with some of his plans, I agreed conditionally that provided Count de Woronzow stood also responsible to me, with Colonel de Miranda, that Marshal Keith's letters and plans, in the first instance with my letter of date the 29th of September to her Imperial Majesty, should go by the first courier to her Majesty from Count de Woronzow and that I might be assured either by a reply from her Majesty's own hand which I was promised, or from your Excellency, that these very important letters of Marshal Keith's with his plans and my own letter to the Empress should be delivered into her own hands. All which precautions satisfied me taat no part of Marshal Keith's wonderful writings should fall into profane hands.

Since they are subjects of so sacred an importance to Russia but that of the sovereign and her confidential ministers, it appears that the first packet I sent under the covers of the Colonel de Miranda was delivered to her Majesty in less than a month after I had written to her Majesty. This appears by a letter received by Count de Woronzow in which as Colonel de Miranda assured me her Majesty was graciously pleased to express her high sense of the value of the papers and communications I had made her and that by the first opportunity she would write to me fully on the head of these papers. But the death of Prince Potemkin and your Excellency's departure for the army to close the peace with the Turks obliged a partial delay of her Majesty's reply to me as the Colonel de Miranda reported to me.

The Count de Woronzow having another courier ready to sent to Petersburg, the same Colonel de Miranda seeing I had more of these important letters of Marshal Keith's ready which I had determined to go with myself, induced me as I had not yet received her Majesty's gracious

reply to my first letter, to confide in him again under the guarantee of Count de Woronzow and to send the other letters then ready of Marsha Keith's to the Empress by the courier of the 8th of November^{7*} last, namely a Mr. Smirnov, brother to the Russian chaplain of this embassy. To these were added the extraordinary intelligence I had required in a letter of date the 27th September 1791 from a confidential friend of mine at Constantinople wherein the Grand vizier's speech by the dragoman of the Porte is detailed.

Now it is four months past since my last packet went addressed to her Imperial Majesty by the ambassador's courier under cover of Colonel de Miranda addressed to her Majesty, for he read to me his own letter to the Empress all which confirmed me I was right. And although I have reason to believe many letters have been received since by the ambassador, if not by the Colonel de Miranda, yet no reply nor specific account to me from her Imperial Majesty nor any of her ministers have reached my hands. For these and other cogent reasons and in consequence of my own anxiety at such a long silence after I had been so faithfully assured by the Count de Miranda or Colonel de Miranda of the high sense the Empress had of my papers and plans (desired express in his lifetime by Marshal Keith for me to communicate myself to the Empress of Russia), and the importance of the intelligence I had received from Constantinople date 27th September 1791, I confess myself to be very uneasy and desirous to know truly her Majesty's reception of these documents; of which I have many more that highly concern Russia and which I cannot transmit under my present anxiety until I hear her Majesty's opinion and pleasure.

Marshal Keith's valuable documents concerning his own plans and the policy which he had followed with so much fame, honor and success for the glory of Russia he left in charge with me to present copies of them to whomsoever might reign in my time in Russia knowing that such communications as I had to make from his materials would always secure me the protection and esteem of the sovereign and all true patriots ministers of an Empire for whose glory his own life had been nearly worn out before he retired from Russia. He also flattered himself that if I presented myself with his documents or sent them properly I would immediately hear from the sovereign of Russia. I thought there was no safer nor more sacred channel than under the guarantee of the ambassador of her Majesty.

My design was to have been myself the bearer of these papers, but the sacred manner in which Colonel de Miranda assured me of his confidence with her Imperial Majesty and his intimacy here with Count de Woronzow the Russian ambassador whom also I considered as a guarantee to me of the safety and secrecy of my packet under his official cover, further induced me to confide in Colonel de Miranda, who himself was anxious and officiously desirous of being the medium to send these papers under his care for he made no scruple to say he expected to have infinite credit from her Majesty for his diligence in this business. I had affairs of importance to do in France and the West-Indias. I was therefore willing to hear her Imperial Majesty reply and whether she wished to see me in Russia or whether she had a desire to have any more of my noble cousin's papers concerning Russia to be sent to her. For that end I have deferred nearly one whole year my intentions of going to France and the West-Indias.

Herewith I enclose you an extract of my last letter from Constantinople. The whole packet is of too much importance for me to venture any more of it until I hear from her Imperial Majesty or from you. I enclose you copies of my own former letters to her Majesty. This I send by the confidence of my worthy friend Captain John Miller of the Russian navy, a young gentleman of valuable professional estimation whose happiness and success I have much at heart and whom I

---

^{7*} Описка, должно быть: 8th of December.

solicit your Excellency to notice. I am intimate with his father and family. All letters addressed to me at N 60, my house in Jermyn street St. James's, London, come safe to my hands.

I entreat your Excellency's answer and I remain with all faithful regard for her Imperial Majesty's happiness and your prosperity and I am your Excellency's most devoted humble servant

John Drummond

His Excellency the Count d'Osterman

Перевод

Лондон, Джермин-стрит № 60, Сент-Джеймс
22-го августа 1792 г.

Милостивый государь,

около девяти месяцев назад познакомился я с графом де Мирандой, обычно именуемым здесь полковником де Мирандой. Я собирался тогда отправиться в С.-Петербург, чтобы преподнести ее и. в-ву [императрице] России кое-какие планы, письма и документы моего прославленного родича маршала Кейта, чье воинское наследие досталось мне. Сии документы и планы имеют для ее и. в-ва столь важное значение, что побудили полковника де Миранду предъявить мне конфиденциальное письмо ее в-ва российской императрицы к нему, содержащее повеление или предписание всем ее послан и министрам при иностранных дворах не только принять его, но и оказать любое внимание, коего он потребует именем ее в-ва, всякую протекцию, какую ее имя и влияние в состоянии ему предоставить. Все это убедило меня в том, что полковник де Миранда ведет изрядную личную переписку с ее и. в-вом.

Помимо доверительного письма ее в-ва и разрешения носить форму [русской] армии, полковник де Миранда показал мне также письма в. с-ва и покойного князя Потемкина, подтверждавшие, что он пользуется большим уважением ее и. в-ва и ее доверенных министров. Кроме того, его посещал российский посланник при здешнем дворе граф Воронцов, каковой, по-видимому, относится к нему с величайшим доверием.

Ввиду всех сих обстоятельств и выраженного им страстного желания передать первую партию писем маршала Кейта и несколько его планов я согласился [с этим], при условии если граф Воронцов и полковник де Миранда обязуются, что граф Воронцов с первым же курьером отправит ее в-ву письма и планы маршала Кейта, предваряемые моим письмом ее и. в-ву от 29-го сентября; и если я получу ответ, написанный собственноручно ее в-вом (как мне было обещано) либо в. с-вом, который убедит меня, что сии весьма важные письма маршала Кейта с его планами и моим собственным письмом императрице доставлены лично ей. Все эти предосторожности дали мне уверенность в том, что ни малейшая часть замечательных писем маршала Кейта не попадет в руки несведущих.

Поскольку они имеют столь великое значение для России, во всяком случае для государыни и ее доверенных министров, то первая связка, посланная мною через полковника де Миранду, была, как кажется, вручена ее в-ву менее чем месяц спустя после того, как я писал ей. Сие явствует из письма, полученного графом Воронцовым, в коем, как уверял меня полковник де Миранда, ее в-во соизволила милостиво изъяснить, сколь

высокого мнения она о ценности бумаг и моих сообщений ей, и что при первой возможности обстоятельно напишет мне по поводу этих бумаг. Однако кончина князя Потемкина и отъезд в с-ва в армию для заключения мира с турками вынудили ее в-во, как известил меня полковник де Миранда, на время отложить свой ответ мне.

Когда граф Воронцов снова собрался отправить курьера в Петербург, означенный полковник де Миранда, узнав, что я держу наготове другие важные письма маршала Кейта, кои решил отвезти сам, уговорил меня (раз я еще не получил благосклонного ответа ее в-ва на мое первое послание) опять препоручить ему под ручательство графа Воронцова приготовленные к тому времени новые письма маршала Кейта и отослать их императрице с курьером, а именно неким г-ном Смирновым, братом русского священника сего посольства, отбывшим 8-го ноября минувшего года. К ним были приложены запрошенные мною чрезвычайно важные сведения, содержащиеся в письме моего константинопольского друга (который пользуется моим [полным] доверием) от 27-го сентября 1791 г., где драгоман Порты подробно излагает речь великого визиря.

Прошло уже четыре месяца с тех пор, как моя последняя связка для ее и. в-ва, каковая вложена в пакет полковника де Миранды на имя ее в-ва, отправлена с посольским курьером, ибо он [Миранда] читал мне свое послание к императрице, подтверждающее, что это так. Но, хотя у меня есть основание полагать, что с того времени посол, не говоря уже о полковнике де Миранде, получил множество писем, я не имею пока никакого ответа или особого отклика ни от ее и. в-ва, ни от кого-либо из ее министров. В силу этой и иных веских причин и вследствие собственного моего беспокойства по поводу такого продолжительного молчания после данных мне графом или полковником де Мирандой столь твердых заверений, будто императрица высоко ценит мои документы и планы (предназначенные маршалом Кейтом при жизни специально для меня, дабы я мог обратиться к императрице России), а также ввиду важности сообщения, полученного мною из Константинополя и датированного 27 сентября 1791 г., признаюсь, что я крайне встревожен и желал бы доподлинно знать об отношениях ее в-ва к сим документам; ибо располагаю еще многими другими, близко касающимися России, кои при моем нынешнем состоянии тревоги не могу передать, пока не узнаю мнение и волю ее в-ва.

Свои драгоценные бумаги, относящиеся к его собственным планам и политике, столь похвально, честно и успешно проводимой им во славу России, маршал Кейт оставил мне, дабы я представил их копии тому, кто в мое время будет править Россией, полагая, что сведения, кои я из них извлеку, навряд ли снизут мне покровительство и уважение монарха и всех министров – истинных патриотов – империи, для величия которой он едва не извел себя, прежде чем покинул Россию. Он также надеялся, что российский государь немедленно отзовется, стоит лишь мне преподнести его [Кейта] документы или отослать их надлежащим образом. [Для последнего] не было, как я думал, более надежного и безопасного пути, нежели прибегнуть к содействию посла ее в-ва.

Я намеревался сам поднести эти бумаги, однако торжественные уверения полковника де Миранды относительно доверия, испытываемого к нему ее и. в-вом, и его близость с здешним русским послом графом Воронцовым, благодаря кому можно было поручиться, что в его служебном пакете моя пачка будет в сохранности, а содержимое ее останется тайной, побудило меня и далее полагаться на полковника де Миранду, настоятельно выражавшего сильное желание быть посредником в пересылке этих бумаг. Он без колебаний утверждал, что, по его расчетам, ее в-во не покусится на похвалы за усердие, проявленное им в сем предприятии. У меня [же] были важные дела во Франции и Вест-

Индии. Поэтому я хотел узнать ответ ее и. в-ва: желает ли она видеть меня в России или ей угодно, чтобы и другие бумаги моего благородного родича, касающиеся России, были высланы ей. Из-за этого я в течение почти целого года не спешил осуществить мои намерения отправиться во Францию и Вест-Индию.

При сем прилагаю выдержку из последнего письма, присланного мне из Константинополя. Вся связка имеет для меня слишком большое значение, чтобы riskовать еще какой-то частью ее до тех пор, пока я не дождусь уведомления от ее и. в-ва или от Вас. Прилагаю копии моих предыдущих посланий ее в-ву. Настоящее письмо отправляю с моим достойным другом капитаном российского флота Джоном Миллером, молодым дворянином, весьма уважаемым представителем своей профессии, чье благополучие и успехи я принимаю близко к сердцу и кого прошу не обойти вниманием в. с-ва. Я поддерживаю дружеские отношения с его отцом и семьей. Все письма, посылаемые по моему адресу на Джермин-стрит, дом № 60, Сент-Джеймс, Лондон, исправно доходят до меня.

Умоляю в. с-во об ответе и остаюсь с искренними пожеланиями счастья ее и. в-ву и благоденствия Вам, в. с-ва преданнейший и нижайший слуга

Джон Драммонд

Е. с-ву графу Остерману
Получено 7 мая 1792 г.

*ЦГАДА, ф. 179, д. 187, л. 50-51
об., 56-57. Копия, англ. яз.*